

Еще несколько месяцев он проводит в пансионе М. П. Погодина, готовясь к экзаменам, в августе 1838 года поступает на юридический факультет Московского университета, но уже в октябре переводится на словесное отделение философского факультета.

Самая счастливая минута в вашей жизни?

— Когда надел студенческий мундир.

В студенческом мундире Фет проходил шесть лет (второй и третий курсы пришлось прослушивать дважды). Главные свои решения он принял в эти годы. В эти годы окончательно сложились его характер и мировоззрение.

К другу детства Ивану Борисову присоединился еще один закадычный товарищ юности — Аполлон Григорьев. Они познакомились в университете (Григорьев был на два года моложе), быстро сблизились, и вскоре Фет переехал на постоянное жительство в семейный домик Григорьевых на Малой Полянке, который потом назовет «истинной колыбелью моего умственного я». «Казалось, трудно было бы так близко свести на долгие годы две такие противоположные личности, как моя и Григорьева. Между тем нас соединяло самое живое чувство общего бытия и врожденных интересов»¹.

В этом «сожительстве», которое Фет сравнивал «с точением одного ножа о другой», старший, как и положено, играл роль Онегина, а младший — восторженного, романтического Ленского. В написанной позднее повести «Офелия» появится острый психологический портрет Вольдемара, «с которым мы жили как с братом»: историки литературы уверенно опознают в нем Фета. «В нем была способность обманывать себя, отрекаться от своего я, переноситься в предметы. Он был художник в полном смысле этого слова: в высокой степени присутствовала в нем способность творения... С способностью творения в нем росло равнодушие. Равнодушие — ко всему, кроме способности творить, — к божьему миру, как скоро предметы оно переставали отражаться в его творческой способности, к самому себе, как скоро он переставал быть художником. Так сознал и так принял этот человек

свое назначение в жизни... Страдания улеглись, затихли в нем, хотя, разумеется, не вдруг. Этот человек должен был или убить себя, или сделаться таким, каким он сделался...»¹

Социальная травма сформировала характер изломанный и закрытый, скептический, даже в чем-то циничный. 1 декабря 1838 года Иринарх Введенский, бедный студент, регулярно уходивший в загулы, «идеальный нигилист», будущий известный переводчик, заключил странный контракт с неким Рейхенбахом. Он утверждал, что г. Рейхенбах, который «теперь отвергает бытие Бога и бессмертие души человеческой, спустя 20 лет от настоящего времени, вследствие неизвестных ни мне, ни ему причин, совершенно изменится в настоящем образе мыслей; утверждаю, что он торжественно, с полным убеждением сердца, будет верить и в бытие Бога, и в бессмертие души»². Проигравший в этом мефистофельском споре должен был идти пешком в Париж.

Г. П. Блок, обративший внимание на этот документ, доказывал, что Рейхенбах — это Фет.

Введенский не дожил трех лет до обозначенного срока. Фет оказался в Париже в 1856 году, но приехал туда, как и все. В бессмертие души человеческой он не верил до конца своих дней и уже в семидесятые годы спорил об этом с Толстым. «Какое же у меня представление личного (очевидно) божества? Никакого... Мы с Вами стоим в двух различных областях. Вы нашли и говорите с Августином *credo quia absurdum* (верю, потому что нелепо. — И. С.). Если бы он сказал вместо *credo* — *suo* (знаю. — И. С.), было бы чепуха. Но *credo* так же логично, как всякая другая правда. Я же не нашел потому, что это мне не дано. Вы смотрите на меня с сожалением, а я на Вас с завистью и изумлением»³.

Язвительные литературоведы, правда, не преминули заметить: «Если бы участники „контракта“ встретились через двадцать лет, то идти пешком в Париж пришлось бы Фету: ибо одним из ключевых образов его поэзии (а что, как не поэзия, могло бы свидетельствовать о подлинной вере Фета?) оказалась бы

¹ Григорьев Аполлон. Воспоминания. Л., 1980. С. 152—153.

² Блок Г. П. Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. Л., 1924. С. 32.

³ Фет А. А. Соч. Т. 2. С. 264—266.

¹ Фет А. Ранние годы моей жизни. С. 150.